

ОДНАЖДЫ Я...

РАССКАЗЫ ПРО
МЕНЯ

РОМАН ШАБАНОВ

12+

Роман Витальевич Шабанов
Однажды я...
Рассказы про меня

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28984976
SelfPub; 2019*

Аннотация

Однажды я... проснулся, влюбился, сломал руку, поверил в Бога, захотел заработать, сам себя потерял, а потом еще и воевал с бабушкой. Но это еще не все. Я следил, занимался ушу, забыл про папин день рождения, искал смысл жизни, написал роман. А потом решил молчать, превратить мечту в реальность. Однажды...

Содержание

...Проснулся	4
...Следил	17
...Занимался ушу	29
...Стал владельцем велосипеда	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

...Проснулся

Однажды я проснулся.

Утро 31-го. Тяжело и грустно. Тяжело думать, что завтра... а грустно, потому что вчера... Плетусь на кухню, там все – и мама у шкваркающей плиты, и папа с шелестящей газетой. Вчерашняя. Перечитывает. Свежая позже. У мамы – спина, у папы – тапочки.

– Руки!

Конечно, не мыл. Но идти не хочется.

– Мыл.

Не проверяют. Потеряли бдительность – у папы Кубок кубков, а мама перебирает в голове поток несделанного, что надо успеть за день, хоть это и нереально.

1. Стрижка

2. Костюм

3. Сумка...

– Зоя Федоровна, так мы придем?

Договаривается. У меня дрожит рука. Ложка скачет по тарелке. Брызги манки попадают на стол, где лежит горбушка, намазанная маслом. Можно, я не буду доедать? Никому нет дела – папа так и не вынырнул, мама повернулась, но только на мгновение:

– Быстро. Какао стынет.

Холодное. Всегда же так. И каша – соли больше, чем са-

хара. Интересно: когда мама готовит, то задумывается о том, как я это буду есть? Или для нее важнее тарелка после завтрака: съел – хорошо, нет – кто-нибудь съест, не выбрасывать же.

Парикмахерская через дорогу. Сегодня ветер. Листья вертятся в небе, как потерявшиеся.

– Отрастил, – ворчит мама. – На бабушкиных харчах.

Не люблю это слово. Как будто что-то неприятное и мокрое. Да, мокрого там было предостаточно, но из неприятного только то, что мало. Лето я провел у бабушки в Гаграх, на сметане и водных процедурах. Еще залез на две горы, где поставил отметку, что был там.

На входе ждал незнакомый сенбернар. Тоже стричься?

В комнате было три кресла. В первом сидел старичок с редкими волосами (их количество можно было подсчитать) – он все смотрел на себя, как будто не верил, что может так выглядеть. Во втором – бабушка в «кричащем» костюме. Она застыла, как будто для ее прически так надо. В третьем – мальчик моих лет с русыми, почти невидимыми волосами.

Над ними боги, обжигающие... головы. И только руки: чик-чик. Взмахи лезвия, волосы, как брызги, – красиво, ловко. Только звуки кромсания... звонкие, жужжащие, бросающие в дрожь.

– Подожди, – остановила меня одна из трех богинь, – я так и не увидел, кто из них точно, как будто голос был записан. – Почитай пока.

Журналы предлагали купить стойкую крем-краску, поехать в Китай и разобраться в отношениях с тещей. Еще я нашел рекламу гостиниой. В картине мне понравился вид из окна: там летел огромный дирижабль с надписью «Невозможно не заглянуть».

Мальчик встал, вежливо спросил, сколько с него. Назвали цену, он расплатился и вышел. Был возрастом как я, только без мамы. Ему доверяют деньги, он сам переходит через дорогу, он не боится этого «вчик»...

– Давай же, – поторопила мама. В кресле лежала дощечка – для таких, как я, и просто низкорослых. Я сел на нее. – Я скоро, – мама убежала, оставив меня один на один с парикмахершей.

– Готов? – спросила Зоя Ф., женщина неопределенных взрослых лет. Я кивнул.

Огромные ножницы прокричали: «Ссыч!». Я дрогнул. Хотелось закрыть уши. Я смотрел на огромный зеркальный квадрат и видел свое сморщенное лицо и две полоски вместо глаз.

– Не дрейфь. Мы простоотрежем все лишнее.

Успокоила... Парикмахерша была похожа на бочонок с вытекающим маслом – ее губы блестели, лоб лоснился, и руки тоже как будто выжимали масло.

– Спину!

Я выпрямился.

– Голову!

Бочонок умел командовать. Двум другим клиентам закончили прически одновременно. Они еще о чем-то посмеялись при выходе, и я не заметил, как они что-то платили. Я подумал, что у кого нет денег, тот может расплатиться шуткой. Стал придумывать шутку, чтобы сэкономить маме деньги, но ничего путного не приходило в голову.

– Не вертись!

Она силой повернула меня. Неприятно, однако. Мамина знакомая... она должна, напротив, ко мне отнестись более внимательно. Тепло и сладко. Чтобы как дома. Потому что близкая знакомая – это все равно что семья. Но тут другое. Тут – словно я ей мешал. Мне нужно было замереть и не двигаться, невзирая на все, что со мной может произойти. Она дергала волосы, крутила голову, наклоняла, как будто играла в игру, где за каждый наклон, поворот начислялись очки.

– Ты всегда такой?

– Какой?

– Нервный какой-то.

Почему я не мог встать и просто уйти? Я не был связан, просто скинуть, спрыгнуть, дверь прямо, никто меня не остановит. Может, бросят: «Ты чего?» Может, отвечу: «А ничего, хочу ходить с длинными волосами». Но... нет. Буду сидеть. Потому что... во-первых, мама не поймет. Папа, может быть, поймет, он сам по юности носил пятьдесят три сантиметра. Во-вторых, школа. В-третьих, дурацкая привычка –

обязательно коротко, и сменка в школе, и домашка сделанная, и все... эти привычки просто так из себя не выкинешь.

Ножницы просвистели. Они срезали первый ряд, пробежали по прямой, сместились на десять градусов, волосы взлетали, как будто ветер был не только на улице, но и здесь, и тут же слепленными полосками падали вниз.

«Ссыч!»

«Хы-хы!»

Два лезвия, превратившие мое утро в кошмар, – когда ничего не можешь сделать. И только терпеть, время замерло, только ножницы, эти две половинки смыкались в противном звуке.

– Глаза не закрывай.

Почему не закрывать?

Зоя Федоровна, видимо, считала, что я слишком мал, чтобы все объяснять. А я и не спорил – я действительно был мал и верил, что взрослые не могут причинить вреда. Верил, по крайней мере старался. Она включила телевизор, где ведущий на рябом экране рассказывал о пользе молока.

– Молоко сейчас не из молока...

Она не смотрела на ножницы, я видел, как ее глаза вцепились в экран. Я следил за ее рукой, и мне показалось, что она движется независимо от парикмахерши. Ее рука, как в фильме ужасов, несла в себе зло.

– Чего они машины понаставили? Сегодня снова не выйдешь. Фаритыч, ты мне жизнь не порть.

Рука двигалась быстро, как будто ее завели, и завод еще не скоро кончится. Ведущий попрощался, и запрыгали буквы начинающейся передачи «Учим итальянский».

– Попробуем, а вдруг меня занесет.

Ножницы шаркнули около уха, немного защебив мочку.

– А! – крикнул я.

– Я тут, – сказала она и продолжила лязгать, кажется, с удвоенной силой.

Зажмурился. Не хочу, не хочу, но должен верить, она же семья почти, но не могу, и с закрытыми глазами хотя бы проще это делать.

– Глаза не закрывай.

Но я уже не слышал, ни это «ссыч!», ни «хы-хы», мне было хорошо, я спасся, единственное, что я видел, – губы, повторяющие быстро-быстро: «Волосыкостюмсумка».

– Волосы? Костюм? Сумка?

Я закрыл глаза, а когда открыл, то увидел мамино лицо...

– Лицо белое. Обморок. Я же говорю: не закрывай. Они все так. Сперва закрывают, давление... только у меня в первый раз так...

Мама шуршала пакетами, волосы были сбиты – она не хочет сделать прическу?

– Не позавтракал, – пожалала плечами мама. – Какао надо было выпить.

– Я пил.

– Ты же меня знаешь, – не останавливалась Зоя Ф. Но я

уже голосил:

– Аривидерчи, Аванти...

Меня никто не слышит? Все, все.

– Надо закончить, – читаю в глазах. Мама не двигается. Скидываю, прыгиваю, слышу в ответ: «Нервный какой-то» и мамино: «Нормальный», и я на улице. Сенбернара не было. Я встал на его место. Ждал, пока мама переговорит, заплатит и как-то успокоит Зою Федоровну, уверенную в том, что мой побег ее вина, но почему – все же нормально сидят, пока над ними не встряхнут накидкой и не проведут грубым полотенцем по шее.

Мама!

– Ладно, – радостно провозгласила она, плавно проведя ладонью по голове, словно тестировала мою прическу. – Пойдет.

Если мама сказала, что пойдет, то... действительно пойдет. А может быть, поняла, что ее знакомая не прежняя Зоя Ф., почти семья, а совсем не семья и даже больше – мстит за что-то. Через меня. Может быть, они однажды с мамой что-то или кого-то не поделили. Мама забыла, а вот парикмахерша помнит. Хорошо, что я помог ей в этом разобраться. И пусть у меня не все срезано и уложено, зато мы ушли.

Красный глаз. Стоим. Троллейбус замер на повороте, прогнувшись в косую дугу... Реклама «Доширака» уговаривала есть и улыбаться всей семьей.

– Кто ест доширак, тот заработает рак, – проворчал про-

хойжий с синими ушами.

Меня била дрожь.

– Да что с тобой?

– Н-не з-на-ю-ю.

Мне было холодно. Ветер не был таким ледяным, но дрожь другая. Как при гриппе.

– Скажи: «Ножницы».

– Почему ножницы?

– Нормально... вот и порядок... Домой обедать. А вечером нас тетя Лара позвала.

– А костюм?

– Костюм я тебе тоже купила. И сумку.

Конечно, он на мне висел. Сестра жеманничала, по-обезьяньи ходила по коридору. Как же она ждала этого дня: мне покупали обновку, чтобы Жанка могла пообезьяничать.

– Лохнесское чудовище.

– Ничего, подошьем, – успокаивала мама. Не буду же я тебе каждый год новый покупать.

Причина... Для мамы она была веской. Отец работал сдельно. Судил кого-то. Приходил и прятался за газетой. Мама часто искала возможность найти его, чтобы робко спросить: «У тебя не будет..?». Громко кашлял и делал вид, что не слышал просьбы. Хотя мама все равно его подлавливала, когда тот шнуровал ботинки.

Только разве эта дылда поймет? Дылда – это Жанна. Жанна – это и дылда, и градусник, и переворот сознания, и «по-

томушта», и «ненра». Ей не нравилось, как я здороваюсь, как хожу, что ношу, как говорю. Но если бы только я был объектом... Ими были и мама, и папа, и любой, кто назывался ее другом.

Количество ее «друзей» перевалило за сотню. У нее была традиция – дарить при знакомстве феньку... И она каждый день заготавливала себе коллекцию этих веревочек, чтобы расстаться с ними назавтра. Действительно расстаться, так как новые знакомые тут исчезали после первого спора о неправильных ходьбе, кроссовках и минеральной воде, которую они пьют. Но она продолжала резать, наверное, надеясь найти самого терпеливого. Об этом (резании) знал только я... это была тайна, которую я мог бы, если был более сообразительным к этим годам, продать – даже если недорого взять.

– Где в этом доме ножницы?

Мама хотела подшить костюм. Эта вечная борьба продолжалась уже долго... Сперва сестра резала себе платья для кукол. Потом были анкеты, куда она вкладывала вырезанные из журналов машины, квартиры, яхты. Теперь – «друзья». А ножницы почему-то, как и градусник, – на весь дом одни.

Папе тоже они были нужны. Дело в том, что папа подстригал себе усы. Каждый день. Он тоже делал это тихо, потому что всеми ножами, ложками, вилками, и ножницами в том числе владела мама. И поэтому ножницы он брал каждое утро, пока мама спала, потом клал на место. Через час

просыпалась сестра, три часа резала свои веревочки и тоже убирала на место.

Но сегодня произошел коллапс. Мы вернулись пораньше. И папа тоже проспал. И хотел взять ножницы, не зная, что они используются еще одним членом семьи.

И только я знал. Но только увидел, как сестра...

«Ссыч!»

«Хы-хы...»

Я вздрогнул. Мне стало дурно. Я даже присел. Выпил воды, добавил лимона и сахара.

Она все резала...

«Хы-хы-ха... сысыч!»

– Я погуляю.

Во дворе копошились трехлетки. Они шли по следам какой-то дворняги, чтобы найти клад, который искали все в этом дворе, даже я. Дворняга подойдет любая, а клад – все равно какой. Главное – верить в то, что он действительно был.

– Шулик, мой папа сказал, что твой папа тюфяк, – записал Мика в джинсовом комбинезоне. Мамаши трещали на скамейке, взмахивая руками, как те парикмахерши, разве что по другому случаю – чтобы показать, какие они образцовые: и с детьми умеют, и о себе не забывают. Но что мелькает у них в руках? Не может быть! Зачем?

Папа нервно похаживался по квартире. Не тюфяк, конечно, но что-то общее есть. Не обратил внимания, как я при-

шел, как сообщил, что у него разные носки, даже на свежую газету, которую я ему сунул в руку, не взглянул. Ему было не до того. Он мерил комнату широкими шагами, а мама, присев на краешек дивана, зевала. Папа был раздражен. Это репетиция суда? Обычно папа обходился без этого, разве что пел в ванной что-то древнее-военное.

«Темная ночь...»

или:

«Бери шинель, пора домой».

Но сегодня если и песня, то какая-то не песенная.

– Когда я что-то хочу найти, то беру это из того места, где оно лежит. И перестань зевать!

– Когда я хочу зевать, я зеваю, – парировала мама.

Сестра тоже хотела поучаствовать во всем этом. Она же любила спорить. Поэтому стояла и доказывала, что мама не виновата, что папа слишком многого от нее требует. Она женщина. Нахваталась где-то. Эти журналы из парикмахерской... точно чаще меня туда ходит.

Через мгновение я был у нее в комнате. Мулине были аккуратно разложены по цветам (одна фенька – от трех до пяти цветов). Объект – в пяти сантиметрах. Когда я вернулся, спор не затихал. Еще мгновение, и ножницы оказались в моей комнате глубоко под кроватью. Рядом с пылью и потерявшимся тапочком.

Я знал, что делаю. Пусть папа отрастит бороду, мама не подшивает, а просто поменяет костюм на мой размер, а сест-

ра перестанет резать эти полоски, которые уж очень напоминают георгиевские ленточки, что сегодня раздаются бесплатно, словно снег... чтобы что?

И правда – они успокоились, потому что нам нужно было идти в гости, о чем мама договорилась заранее.

– Ларочка, ну мы придем?

Тетя Лара жила близко, поэтому в гости к ней мы ходили часто. Конечно, мало кого интересовало, что мне было так скучно. Когда кончались печенье и конфеты, я зевал (маме можно?). Но сегодня она как будто знала, что меня нельзя бросать после чая, и махнула рукой:

– Идем-ка.

Я не знал, что у нее есть еще комнаты. Есть кухня, зал со скрипучим диваном, на котором мы сидели, Спальня, куда она бегала поливать цветы. Была еще одна дверь, за которую я не заглядывал. А тут – она идет, я за ней прямехонько туда. А там кровать, стол с книгами и тетрадь открытая. И на стене картины, фотографии без цвета. Садится, я тоже. Достает альбом. Хотел спросить, но она опередила:

– Комната моего сына. Он давно уже отдельно живет. А все это осталось. Иногда достаю. Вспоминаю.

Думал, что это альбом с фотографиями, но тут было другое... Я в детстве собирал книжки, клеивал их вместе. Только вместо обычных марок или фотографий, здесь были... смешные картинки.

– А что это?

– Карикатуры. Он собирал в детстве. А я ему помогала. Покупала. Оказывается, этих коллекционеров так же много, как филателистов или нумизматов.

Я застыл. Не знаю, что на меня сильно произвело впечатление. Завтра 1 сентября, и это вряд ли мне поможет в учебе. Тогда что?

Дома я взял в руки папину газету, которую он отбросил, наверное, до завтрашнего утра, достал ножницы из-под кровати и вырезал картинку про спящего лыжника, вклеил в свежую тетрадь, которую мама только сегодня купила.

Гром прошел скоро.

– Кто это сделал?

Не отбросил. Решил перед сном прочитать.

Папа бегал по дому. В одном я был точно прав – ему сейчас точно было не до усов. За ним бежала мама, которую не интересовали мои брюки, в стороне стояла сестра, которая напрочь забыла про феньки: все ждала, когда же сможет включиться в новую перебранку.

Все забыли, что завтра 1 сентября. Уже второй час ночи, пора спать, а мы еще и не собираемся, как будто завтра 1 января и каникулы...

Буду сонный. Ну и что.

...Следил

Однажды я следил.

Нервный смешок, мама возле меня, я ничего не вижу – мамины ладони, пахнущие луком или о, мне повезло, персиковым мылом, перекрывают доступ к экрану. Суббота. Вечер, а то и ближе к ночи, когда в девять спать не обязательно, в десять тоже, в одиннадцать можно задуматься, но если не хочется... тогда ладно. И главное – фильм, который ждешь всю неделю: и когда звенит последний звонок последнего урока последнего дня недели, то летишь в раздевалку, накидываешь на себя, если повезет, свое пальто и продолжаешь полет до дома, только и думая о том, что сегодня субботний вечер, а значит будут не только пирожки с мясом и вареньем (отдельно с мясом, отдельно с вареньем), но и фильм. Фильм, фильм, фильм... Обычно смешной, обязательно с приключениями, непременно долго остающийся в памяти. И хочется не пропустить ни мгновения, которые ты жадно глотаешь, забывая про остывший чай с лимоном и пирожки. Но, конечно, наступает момент, когда эти двое приближаются, и музыка такая с тоской, и появляется мама, ее руки, и я пропускаю кадр, а то и два. Иногда мама произносит: «Ужас!», и мне становится очень интересно, что за ужас там показывают, но я не могу ничего поделать – раз мама считает, что я не должен смотреть, то... но почему я не должен?..

У Коляна есть видик, и он ночью, когда все на правом боку, «щелк», «кляц» – и до утра «зырк, зырк». Только я с ним никак – он дружит исключительно с теми, кто фэнтези читает и может червяка съесть за так. А я не могу, хоть режь меня. У Наталки тоже, но она девчонка. Есть еще у дяди Сандро, что напротив, но он вычислил, сколько желающих, и билеты продает. Говорят, работу свою в магазине забросил. Видик куда выгоднее. А у меня карманные раз в год, да и то все по списку.

Поэтому суббота, и мама, и что там... одному черту...

И вот я уже, когда мамы нет рядом, закрываю глаза, хотя мог смотреть без боязни, что буду наказан. Но мама чаще рядом. Жанка в этот момент молчала и вздыхала в унисон с мамой. Ей было можно, да?

– Вот подрастешь...

Не люблю это «вот сделаешь, вот пройдет зима, вот наступит лето...». Это дурацкое «вот»!

Однажды по радио я услышал умный разговор, похожий на жужжание – двое или трое дяденек говорили о структурированном подходе к жизненному циклу и еще о формах существования, и много было разного, но одна фраза запала в душу:

– Любовь – это спасение.

Потом были еще слова, но прежде всего эти вызвали во мне много вопросов. Любовь для меня была скорее чувством из кино, книг, где все приукрашено. К маме... это не лю-

бовь, это что-то труднопроизносимое, не придуманное еще человечеством, но приходится говорить это простое короткое «люблю», хотя мама заслуживает большего.

А спасение... от чего? Что она спасает? Кого?

– От одиночества, – разъяснила мама. – Ты же любил свою кошку. Она спасала тебя от одиночества.

– Да, я любил Мурку.

Для кошки «люблю» вполне подходило. Но одинок ли я? Вокруг меня всегда кто-то был – и кошка была скорее еще одной заводной «Феррари», чем друг, без которого я бы скуксился в одиночестве. Может быть, для взрослых все немного иначе – они не играют в машинки, и кошка для них тот самый друг. А все остальные – сослуживцы, соседи, постоянно кто-то звонит (и по телефону, и в дверь). Все равно мне было сложно это понять в полной мере.

Жанка никогда меня всерьез не принимала, а как услышала, что я философствую, так и вовсе засмеяла.

– Он любит пуговицы терять, а я зашивай, да?

Я бы ее никогда не смог заставить это сделать, но мамино «вот сделаешь, тогда» действовало на нее сверхубеждающе.

Это было время не только счастливых суббот. По крайней мере, для Жанки, которая перестала в них участвовать. Тогда она забросила феньки и встречалась с каким-то «м. ч.» (молодым человеком), который приходил к нам каждый вечер ровно в семь, уводил ее и возвращал в одиннадцать. Мне казалось, что если он и спасает ее от чего-то, то от спо-

ров с мамой.

И главное – она изменилась. Стала рассеянной, забыла про свои маленькие, но обязанности – половина плиты (мыть, разумеется) и зеркало (все, все). Перед последним стала проводить куда больше времени, оставляя после себя китайские иероглифы (а как еще можно было это назвать?). Про мое пальто тоже забыла.

– Жанна!

– Потом!

– Дочь! Вот сделаешь...

– Ушла.

И ясное дело, заволновались. Спросишь: «Что с тобой?» – машет рукой, уходит от ответа. И мама с папой стали спорить, кто из них должен повлиять на дочку, а то кто знает, куда она ходит и что из этого получится. Родители волновались сильнее: они больше моего знали, что может из этого получиться.

И тут как бывает, когда не знаешь, откуда придет ответ: проходил я мимо радиоприемника, остановился на непонятном вечернем трепе двух или трех. Они жужжали и при этом, кажется, молотили руками по столу. Среди косноязычных инсинуаций и гранитных структур появилось еще одно, вполне понятное:

– Боишься – залезь повыше.

Если первое мне было до сих пор непонятно, то сейчас я, испуганный за Жанку, услышал то, что должен был: залезть

повыше и посмотреть, куда они ходят. Родичам пока ни слова – сделаю сюрприз. Они ходят туда-то, встречаются с теми-то, что, не ожидали? Ну, поощрите меня. Я же большое дело сделал. Хотя я и сам немного боялся, потому что ранее ни за кем не следил, разве что за пауком, что бесцеремонно плел в наших углах паутину.

Я дождался, пока придет Шамиль (он был из тех уральских следопытов, которые магнитный железняк находят и пьют у костра прозрачный сок), и пошел следом, как только они вышли из дома. Они шли по переулку, как будто приклеенные. Свернули, и я свернул. Остановились, встретили общую знакомую и стали говорить, бурно жестикулируя. Я топтался за театральной афишей, превратившись в незнакомца. Не знал, что следить бывает так холодно. Обтер куртку. Преследуемые, по-видимому, все обсудили. Идем дальше. Почти в ногу. Продуктовый – мороженко и шоколадка. Им что, совсем не холодно? Я все боялся, что у магазина есть запасной выход. Убегут – от Жанки можно всякое ожидать. Но зря я волновался: они были у меня как на ладони и явно не спешили, как будто позволяли следить с тем темпом, который мне удобен. Дошли до бульваров, где росли только молодые дубки, за которыми не спрячешься. Вот тут-то они меня и заметили.

– Выходи, – прокричала Жанка. – Мы тебя видим.

Вышел, куда деваться? Шамиль сразу ручку протянул, я тоже. Пожал. Крепко, даже больно немного.

– Познакомь меня с твоим братцем.

И правда, мы с ним не были знакомы. Когда он приходил, то его всегда встречала сестра, потому что к этому моменту она пять минут как потела в прихожей.

– Братец, – недовольно сказала Жанка.

– Привет, братец кролик.

– Я не кролик.

– Как же, знаю. Ты Брюс Ли.

И про это она рассказала?! Конечно, ей же нужно о чем-то говорить. Ну да, я сделал глупость. После просмотра «Большого босса» на турбазе я так долго был под впечатлением от маленького и быстрого бойца, что не мог не выразить это хоть как-то – где я только не писал, что хочу быть похожим на Брюса, мне верилось, что если напишу как можно больше таких «посланий», то тем вероятнее это случится. Да, тогда я хотел, и сейчас немного. У Брюса бы куда лучше спрятаться получилось.

– Не обязательно.

– Почему нет? Не надо стесняться. Мало того, нужно говорить. Чтобы знали. Я в детстве часто говорил, что хочу вырасти. И вырос же.

Он сказал, что у него есть знакомый тренер, он поможет. Жанка в его присутствии всегда кивала. Да, мол, он может. Да, он прав. Да... впервые она не спорила. Нашла же. Сперва я не поверил – думал, что он болтун, выделяется перед сестрой, чтобы впечатление произвести, но он действи-

тельно отвел меня уже на следующий день на Марксистскую, познакомил с Олегом Фоминым и записал в его секцию на каких-то суперльготных условиях. Занятия проходили три раза в неделю, я уставал, мышцы болели, и впечатление от Брюса начало остывать. Но я не мог сказать, что не буду ходить, хотя уже хотел это сделать – начала страдать учеба. В свободные от тренировок дни я продолжал следить, только уже не прячась за дубками и афишами. Я был рядом, как друг, как нечто неотделимое от их встреч, и даже Жанка была спокойна, не говоря уже о других домашних, считавших, что я – глаза, уши и, если надо, и руки, чтобы куда надо позвонить. В случае чего.

Он жил в новом доме, на седьмом этаже в трехкомнатной квартире, откуда открывался вид на бульвар с молодыми дубками. Тот самый, на котором меня и заметили.

В квартире не было мебели. Только доски посреди комнат.

– А зачем здесь доски? – полюбопытствовал я.

– Пока не знаю. Получил в наследство.

Мы пили горький грузинский чай, вероятно, тоже доставшийся от кого-то. И шоколадка или сладкое кизилковое варенье прилагалось к нему. Я клянчил кино, а он рассказывал про Арабские Эмираты и Таллинн, где родился и прожил треть жизни. Вторую часть – где-то в Елабуге, третью – здесь. Я продолжал напоминать, а он как будто не слышал меня. И несмотря на то что мы обсудили, как он плавает –

как олимпийский чемпион или топориком. Потом я нашел его паспорт. Тот лежал себе на досках. У него вообще порядка не было никакого. Вместо стульев какие-то ящики, да и спал на раскладушке. Я бы ни за что тут с ночевкой не остался. Только я хотел открыть найденный документ (откуда такая страсть: видишь документ – нужно обязательно открыть, как книгу, даже если читать не будешь?), как он бросился ко мне, и вырвал из рук... грубо как-то. Жанка тоже удивилась, так как сама не прочь была посмотреть, как меняются люди за несколько лет.

– Там фото не очень, – сказал он. Вполне убедительно. Только все равно грубо.

– Нет, покажи, – не отставала Жанка.

– Пойдем к Лезвию, – предложил Шамиль.

Сестра радостно кивнула. Я настороженно посмотрел: вот оно, сейчас я узнаю самый главный секрет.

– Лезвие – это человек? – не выдержал я.

– Узнаешь.

Мы спустились на этаж ниже. Приглушенный свет – зашторено. На большом кожаном диване сидел бородатый мужик. На столе стояли темные бутылки, в его руках тоже. Мужчина возбужденно подпрыгивал так, что из бутылок вытекало содержимое и оставляло следы на полу.

Они смотрели видик. Ви-дак! Это даже лучше, чем киношка в зале, потому что можно не надевать костюм, разрешено выражать эмоции, как тебе вздумается, и смотреть, что

хочется.

– Нет, ты смотри, что делает! Такие школу с золотой медалью не кончают.

Позвольте представить: Лезвие. Ненастоящее, конечно, имя. Друг Шамиля. Пишет критику про фильмы. Что понравилось, что нет. Тут Сигал был в форме, а в последней части сдал. Не ходите в дешевые забегаловки, Стиви. А король комедии что-то перестал смешить. Новое амплуа? Только здесь тебе не стать королем.

Вот так работа! Сиди, смотри, никуда не надо, да еще деньги платят. Не это ли счастьем зовется?

– Такие вообще в школу не ходят, – комментировал он происходящее.

Я, не спрашивая, сел – а кого спрашивать, все, как по команде, тоже присели: Шамиль в кресло, Жанка ему на колени, я на край дивана. Это был не Брюс Ли. Да какая разница? Но я все же поинтересовался, что они смотрят.

– Возвращение живых мертвецов.

Это прозвучало так волшебно. Сказочно. Воз-вра-ще-ни-е... поэзия... жи-вых... так и хочется тянуть... мерт-ве-цов... нечто, не правда ли?

Потом мы смотрели подборку смешного видео. А потом еще мульт про мишек Гамми. Они меня чуть не напоили этим напитком (из темных бутылок)... потому что когда вместе... пил же я противный чай. Он мне тогда не таким горьким показался.

Теперь я знал, что говорили те дяденьки из приемника. Я любил этого Шамиля. Он спас меня от желания ходить три раза в неделю на кун-фу. Теперь я мог шесть раз в неделю бывать у Лезвия.

– Не слишком часто? – спросила Жанка.

– А что?

– Нет, просто далеко.

– Я же на автобусе. Я уже большой. Чего там.

Теперь я был по-настоящему счастлив. Не знаю, был бы я счастлив, если бы стал как Брюс Ли. Может быть, воображать себя им куда лучше, чем быть. Ведь погиб же он как-то странно. Но сейчас все параметры моего счастья сошлись – мама и папа были спокойны, Жанка не спорила, и в субботу вечером маме уже не нужно было закрывать мне глаза, потому что я сам это делал – засыпая на второй минуте фильма. Очень уж уставал от такого количества эмоций за неделю. Тем более уже знал, что прячется за маминой ладошкой.

Мне хотелось, чтобы Жанка была как можно дольше с ним. Но тут случилось это... Они поругались. Ну поругались и поругались. В конце концов, это их отношения – я уже второй месяц за ними не следил, позволяя им пить грузинский чай только вдвоем, а себе – путешествие в запретные миры, открывающие глаза на то, что прятали от меня все это время. Ну поругались, ну расстались даже... Но я думал, что на наши просмотры это никак не повлияет...

– Больше не ходи.

Гром!

– Почему?

– Не ходи, и все!

Молния!

Ему 29. А врал, что 20. Так сказал папка. Поэтому он и паспорт не хотел показывать. Я думаю, они расстались не поэтому, просто Жанке надоело поддакивать, а тут и причина нашлась. И в следующий раз мне просто не открыли дверь. Шамиль, наверное, познакомился еще с кем-то, у кого есть младший брат.

Но Жанка время не теряла. Через неделю у нее появился еще один ухажер.

– А у него видак есть? – мой первый вопрос.

– Нет?

– Как нет?

Для меня это был показатель крутости парня. И правда – ничего у них не вышло. Но и тут Жанка быстро реабилитировалась. Проплакала всего две ночи. И опять – новый. Все хорошо, есть видик, мама с папой уже не так волнуются, но я все равно берусь следить, и мне не нужны никакие советы, потому что в том, чтобы был парень у Жанки, прежде всего заинтересован я сам.

Я знал, где он живет. Окраина. Вечер субботы. Открывает дверь мальчик моих лет.

– Чего?

– Ничего. Жанку позови.

– Кого?

– Олег дома?

– Дома.

Выходит парень. В шортах, немного сонный.

– Привет. Ты брат Жанки.

– Да.

Стоим. Молчим.

– Зайдешь?

Конечно. Захожу. Его брат, по всей видимости (кто еще), сидит на полу перед теликом и смотрит «Большого босса». Как такое может быть?

– Садись, я тебе компот налью.

Сижую смотрю, молчим, только удары, мяуканье...

– А где Жанка?

– Не знаю.

– Она должна здесь быть.

– Я ее не прячу.

По радио сказали, что однажды бывает только раз. По-моему, это не относится к нашей семье...

...Занимался ушу

Однажды я занимался ушу. Почему ушу... но мне было десять, а это значит все равно чем – главное, правильно влупить, а как там это называют и из какой страны приплыло учение... я вас умоляю!

Но вы не подумайте: я не из тех, кто любит распускать кулаки направо и в солнышко. Я вообще очень мягкий. Воспитала меня женская команда (папа, прости, но ты же всегда на работе). Да и наш двор по части мужчин был на последнем месте. Папы отсутствуют (на охоте, ищут деньги), вот женщины и отдуваются – пичкают нас кашами и щами с кислой капустой вперемешку с воспитанием.

Иногда папка все же вносил лепту. Блеснет умом и: «Пока, пока». Однажды он бросил: «Мужчина не должен драться просто так, для драки должна быть обязательно причина, что ударив другого, ты унижаешь его...»

Хватит, па! Я не из тех... сколько говорить! Вечно он все пропускает – если провести тест на знание сына, то он его с треском провалит. Ты на меня посмотри: я не в той комплекции, чтобы синяки с улыбкой получать.

У меня был сосед. Генныч. Большой, грузный. Стена. Мы были чертовски разными и почти не разговаривали. Так, «привет», без «пока». Но все же было у нас кое-что общее – он тоже, как и я, не раскидывался плюхами. Но не потому,

что у него папа или кто из родни стучали по столу и что важно – комплекция-то была самая угрожающая. Просто у него была теория – нельзя ничего делать, не научившись. Нельзя водить машину, пока не пройдешь автошколу, работать судьей без знания кодексов и красного диплома, даже есть новый продукт нужно, пройдя мастер-класс и апробацию. И соответственно – драться без специального на то обучения. Но если случится ЧП, в момент обучения, когда ты еще только постигаешь азы рукоскрючивания, то... открывай рот, там есть язык. Он должен помочь. Хотя его тоже тренировать надо. Учись говорить. И носи деньги. Если последнее не поможет – беги. Бегаешь плохо – кричи или просто не ходи вечерами, сиди дома. Но как учиться, сидя дома?

Его предки занимались совместным бизнесом: продавали самые быстромелящие кофемолки, самые быстровыжимающие соковыжималки. Дома бывали редко: рано с восходом солнца уезжала черная машина и поздно после заката возвращалась. И чтобы сын не оставался один на попечение телика и включенного телефона, его с детства приучили к определенной тактике – сперва школа, потом продленка, кружки, и так до самого вечера, чтобы свободного времени на разные глупости не было. В эти разные глупости как раз и входила драка. И он то детский поезд водил, то на лошади катался, то фехтовал, то бежал на теннис в девять утра. Поэтому, он умел все – мне казалось, что из него делают гения. Однажды сын им скажет что-нибудь, отчего они схватятся за

головы и пожалеют о своих десяти тысячах кофемолок, которые продавали, вместо того чтобы читать сыну «Урфина Джюса» и собирать пазлы.

Я до двенадцати дрыхну (вторая смена), а он уже и на танцы, и на моделирование. Я иду в школу, а он после актерского тренинга, делает «посылы». Я на первом уроке, и он тоже, только не как я – смотрю со скуки или рисую кораблики с пробитым дном – он пробует себя в каллиграфии и рисует лица. Перемена. Второй этаж у расписания. Я на подоконнике. Он подходит.

– И чего они не слушают про гипоталамус? Это чертовски интересно. Под стол за булкой лезут. Разве можно?

– Они думают, что правильнее не слушать, чем слушать. Им кажется, что жизнь нужно прожить весело, а не так, как взрослые говорят.

– Да что они знают о веселье? Юмор – ему тоже нужно учиться.

Так вышло у нас. Не разговаривали, ходили одно время, как чужие, а тут привыкли встречаться, делиться последними событиями – место встречи у расписания, тема... для нас это было действительно вроде урока. Но если я делился, поскольку хотел быть интересным, то он – для пользы дела: привлекал меня то на один кружок, то на другой. Авиамоделирование – все равно что шахматы. Почему ты не ходишь на кёрлинг? Ты никогда не пробовал спортивную ходьбу? Я вежливо отказывался – привык до обеда просиживать дома,

а вечерами перезагружаться за игровой консолью.

Но тут произошло вот что. Я возвращался из школы. Рядом плелся Руслан, одноклассник. В последнее время он стал ходить за мной. Ему казалось, что вот так, плетясь в хвосте, можно завести дружбу. Они как-то неожиданно отпочковались из толпы. Трое – маленький с голубиным носом и два лба – близнецы, судя по одинаковым шапкам и черным полоскам на куртках.

– У меня там баллончик, – похлопал маленький по карману.

В груди что-то сжалось, по спине прошел ледяной град, а руки задрожали.

– Сейчас я брызну, глаза выпрыгнут, – продолжил он. – Деньги, часы, все, что блестит.

У Руслика заблестели глаза.

– У меня нет ничего, – не соврал я.

– Проверим, – гаркнул лоб. Второй схватил мой рюкзак, расстегнул и перевернул: учебник, тетради, ручки, потерянные карандаши посыпались из его недр.

– Ты чего? – крикнул я и бросился собирать уже подмоченное, с грязью, думая, как я буду все восстанавливать. Прохожие с интересом смотрели на эту сцену, слабо реагируя на происходящее. Дети...

– Проверь его, – указал он на моего «друга».

– У меня только десять рублей, – сказал он, пряча рюкзак за спину.

– Тоже хорошо, – сказал маленький, пряча награбленное.

Через минуту они слились с толпой.

Как-то быстро потемнело. Куда делось солнце?

– Я по-пойду, – промямлил Руслик и, не дожидаясь, засеменил к автобусной остановке. Ему всего одну остановку?! Конечно, пешком опасно. Посчитал, наверное, что зря стал за мной ходить – я приношу одни неприятности.

Я шел домой медленнее обычного, размышляя, почему мы должны отдавать свое, по какому такому праву. Потому что их больше? Они сильнее? Но это же неправильно. «Главное – веселее», – вспомнилось. «Юмор. Ему тоже нужно учиться».

Маме я не хотел говорить – она устроит круговорот вещей в доме. Дождался папу. Но он как пришел – сразу на кухню. Когда папка голоден или ему нужно о чем-то поговорить с мамой, он неуловим – пролетал мимо, сметая тапочки, стулья и прозвучавшие слова. Я встал у двери и слушал.

– Сегодня разбирали дело. Подростки избили мальчика. До потери сознания. Представляешь?

Мама ахнула.

– Он шел, а они... и кругом были люди. Если бы я был рядом, то я бы вмешался. Наверняка бы вмешался.

Как-то он неуверенно это сказал.

После такого нельзя было ничего рассказывать. Иначе я буду ходить с охраной, а все дети, кроме меня, станут нехорошими.

– Ты чего-то хотел? – спросил папа, когда выговорился и спокойно вышагивал с кухни в зал.

– Пап, а если бы мы на севере жили, то были бы добрее? – выдал я, вспомнив выражение маленького разбойника.

Папка засмеялся, потрепал меня по голове и ушел в комнату изучать свое дело...

На следующий день я, как всегда, сидел у расписания и читал литру, конечно, не читал, только вид делал. Я думал, что, наверное, сильнее большей части класса, но это я только так думаю – что нужно для того, чтобы проверить это?

А потом и Генныч возник. Он внимательно выслушал мою историю, переварил и выдал:

– Есть один десятиклассник. Он организует уроки ушу.

– Что такое ушу? Звучит как-то по-змеиному. Искусство понимать змей?

Но Генныч не любил тратить время на пустые разговоры – зачем, когда можно четко сказать: да или нет.

– Вырастешь, приходи.

В другой раз я бы послушал и забыл, а тут все было за: и эти отморозки, и то, что никуда не надо ходить – занятия проходят в спортивном зале.

Позвонил домой, что буду позже. Но сказал, что остался на литературный кружок, – боюсь, что к ушу мама плохо отнесется: какая разница, где проходит драка, в школе или на улице.

В зале собрались человек десять. Тренер – парень лет сем-

надцати, накачанный, как матрас, сидел в позе лотоса и говорил с пришедшими.

– Ушу – это дерево, оно ветвями уходит в небо. Отпилив одну ветку, вы не дадите возможность увидеть на этой ветке плоды. Но есть и сухие – это ваши привычки, то, что вам будет мешать постичь это.

Большинство молчали. Ждали, когда тренер покажет, на что способен, но, как учитель, прежде чем отпустит, должен сорок пять минут помучать и рассказать, что знает по предмету.

– Мы здесь деревья будем выращивать?

– Да. Можно и так сказать.

Наверное, если бы выключили свет и через мгновение включили, то большая часть людей ушла. Но было светло. Все как на ладони. Терпят.

– И запомните: вы пришли сюда не для того, чтобы драться.

– Для чего же еще? – воскликнул самый худой.

– Защищать себя. Это главное.

Мы просидели все занятие. Скрипели, чихали, слушали про ветки, плоды, корни, птиц которые садятся и поют какие-то гимны.

– А когда же будем заниматься? – спросил кто-то. Тренер улыбнулся и сказал, что диалоги занимают большую половину занятия. Отключите свет, и уйдут все.

– Думал, здесь драться, а тут – гимнастика какая-то, – кто-

то вынес вердикт всему тому, что мы увидели.

Я тоже был разочарован. У меня же была конкретная цель, а теперь выясняется, что потребуются годы, а пока работает бег, крик и убалтывание.

Ходил я месяц. Помимо диалогов с философским уклоном, были танцевальные движения – мы ходили по залу и шаркали обувь (на одно из занятий я пришел без нее и здорово повредил ногу).

Через месяц, когда я научился говорить на пространные темы, танцевать, как учил тренер Сема, меня остановили.

Их было трое. Силой завели меня за гаражи. И помесили. Ни слова, ни крик – ничего не помогло.

– На меня напали, – сказал я папе. Мама тоже услышала.

– Приехали, – сказала мама. – Ходишь где попало, вот и результат.

– Вот когда я был маленьким, – сказал папа, – то дрался только тогда, когда хотел узнать, стал ли сильнее. Не более одной драки в год. Обычно перед школой – за лето растешь и крепнешь обычно.

Почему меня ругали? Я разве виноват, что они такие? Я же просто шел. Мне что, нельзя просто идти? Да, я шел, как меня учили в ушу, я вспоминал новые движения, чтобы не забыть...

В спортивном магазине я увидел ее. Но она была меньше, чем мне хотелось. Обратился к продавщице:

– Мне нужна груша, только не настоящая. Только эта не

подходит. Мне нужна побольше. У вас есть?

Продавщица напоминала сытую черепаху, готовую юркнуть в домик, чтобы неделю не вылезать.

– Других нет.

И тогда я решил сам сделать такую. Из старой детской коляски. Точнее, из дермантина, которым она обтянута. Меня в ней катали. И сестру, кажется, тоже. Никто о ней не вспомнит до того, пока Жанка не вздумает родить себе ребенка, только чувствую по ее попыткам завести друга, что это не скоро случится.

Повесил в саду и стал тренироваться. По своей методе. Вот лицо. И бей его, уворачивайся, бей снова... Был такой фильм «Не отступать, не сдаваться». Там парня одного поначалу побили, и он весь фильм груши месил, чтобы в финале Ван Дамму плюх навесить. Позанимаюсь годик, а потом найду этих троих и тех и навешаю! Отметелю, оставлю зарубки! Запомнят они мои кулаки! Нужно только время. Главное – не бросать. Продолжать. Не отступать, не сдаваться.

Этот мальчик давно переехал, но мы все не пересекались. Благодаря мне. Он был крупным, и, увидя его, хотелось перейти на другую сторону улицы. Когда он подошел мне в тот момент, когда я битый час бил нарисованное на груше лицо, я вздрогнул.

– Поговорим?

– Давай.

– Ты пацан?

– Да.

– Обоснуй.

Я знал, что давно... Существует эта дурацкая трепня...

– Зачем я должен это делать? Вот ты знаешь, что человек, как дерево, тянется вверх, дерево...

– Что?

– Дерево. У него есть ветки, и если ветку срежешь...

Я говорил минут пятнадцать. Меня было не остановить.

Уроки Семы. Уроки Генныча.

– Блин, а это интересно...

Один чувак кому-то навязал, теперь все...

Мы подружились. Его звали Дэн, и он тоже был жертвой родителей-бизнесменов, вынужденный ходить на кружки ежедневно и помногу. Он выбрал качалку.

Через неделю мы вместе пошли есть мороженое на спор. Конечно, болели. Но болеть тоже приятно, особенно когда позади что-то важное сделано.

...Стал владельцем велосипеда

Однажды я стал владельцем велосипеда.

У меня не было велосипеда. Я считал, что если у тебя есть велосипед, то обязательно есть «Ранглер», «Джуси фрукт», билеты в кино на «До 16...» Тебя уважают и здороваются по-взрослому. Я знал, что в нашем классе у всех есть велики, даже у Костяна, который по праву своего прикида считался «живущим за чертой». А у меня не было. Конечно, я говорил, что есть, даже два, только один я утопил в пруду прошлым летом, а второй позапрошлым разобрал, чтобы провести опыт по физике.

Прихожу как-то домой. После соревнований. Неудачно по канату съехал. Руки стер. Хотелось пожаловаться на школу. Попить чай. Чтобы посочувствовали и наутро не будили спозаранку кефирный гриб пить.

Подъезд, старик с мусорным ведром. «Здрасьте!» Не здороваешься, как будто бы меня нет. Лестничная площадка. Соседская дверь, еще, стою перед своей, уже хочу постучать, как обычно ногой, уже занес, так и замер... Он.

Апельсиновый красавец. Два колеса, руль, звонок... я про все забыл. Нет, я, конечно, часто вижу на улице, во дворе, мимо меня по парку не один раз пролетают, но чем ближе велосипед к дому, тем больше волнующего ощущения. Чем ближе к порогу, тем больше вероятности, что он может при-

надлежать тебе.

Вхожу. Думаю, что кто-то пришел и не решился во дворе оставить своего красавца. Но три пары и тапочек гора, все дома. Улыбки, моргания через раз. Сперва «Переоденься», потом барьеры из тем про выборы и «Лето уже заканчивается, а мы еще здесь». Наконец возникла пауза – мама открыла холодильник, папа раскрыл «Вечерку», Жанка хотела пройти к себе, но на дороге стоял я.

– Чей он?

– Кто? А, ты про этого птеродактиля. Твой вроде.

– Как мой?

Я не верю. Потому что у меня не может быть велосипеда! Забыл про стертые руки. К папе. Он морщится, громко шелестит газетой, сворачивает ее трижды и говорит:

– Разве это велосипед?

Для него, может быть, и не велосипед, но для меня... когда я сделал свой первый лук из ивовых веток, то был безмерно счастлив. А как мы были счастливы дожевать жвачку, которая уже побывала в чьем-то рту, оставив там свой сладкий вкус...

– Наживается на тебе тетка Фарида.

Мама привыкла все покупать на работе. Коммивояжерам тоже было удобно, что у них есть постоянный клиент. Конечно, велосипедами они не торговали. «Фаридами» папа называл всех, кто приходит к маме.

– Да не купила. Списали. На нем наш курьер ездил.

Я был на вершине счастья. Не важно, что он был чей-то, что его нужно там-тут поправить, но в целом – он мой.

– Смотри не сломайся, – ёрничает сестрица, – смотрите, смотрите, как грудь выгнул.

Да зовите меня, как хотите! У меня есть свой велик! Усталость как рукой сняло. Я даже мог обнять Жанку и расцеловать.

– Вот чего не надо, того не надо.

Только я собрался с духом – съел все, что положили (эту ненавистную печенку), объявился Ринатыч с первого этажа. Тут как тут.

– Дай, за квасом сгоняю.

Не доверяю я ему. Он из неблагополучной. Конечно, когда папка это сказал, мама на него шикнула, что нельзя так, что он же не виноват – так вышло, что много детей и папа не лопатой гребет. Конечно, но я тоже не виноват, что не хочу ему давать велик. Но я же был на вершине, когда готов делать добрые дела, к тому же надо было еще с мамой-папой посидеть за столом, поэтому я недолго думал. Дал. Он вскочил и скрылся, буркнув: «Спас».

Жанка тут как тут.

– Где твой «Скульник»?

– Здесь.

– Я знаю, ты Ринату отдал. Дурак. Ты думаешь, он вернется?

– Конечно, вернется. Он живет здесь.

– Ну и что, что живет? Пробежит мимо, скажет, что поставил у ворот, а где, не знает. Угнали. Мало ли кто.

Она меня сильно расстроила. Любит она меня, как сестра брата. Я в слезы. Действительно, чего это он за квасом поедет? У них вечно денег нет. Они хлеб у соседей просят. Поэтому он и приплел квас, чтобы не просто «покататься» или сразу уж, чего жалеть, решил продать, желающих много, и купит всем хлеба. Сколько он может стоять? На него можно буханку с наш дом купить. Но не успел я как следует поплакать – приехал герой.

– Пей, – протянул он мне квас. Свежий. И правда, квас. Правильно папка сказал. Я даже язык Жанке показал. Она просто пожала плечами и что-то сказала про время.

Через час снова звонок. И опять он.

– Одолжишь? Мне к девушке сгонять. Тебе мороженко купить?

К тому времени я уже не был на вершине, и он, конечно, заметил мое нерасположение.

– У нее сеструха есть. Вот такая! Хочешь, познакомлю?

Знает, чем бить. Я был чертовски стеснительным и понимал, что с помощью велика смогу щегольнуть и обратить на себя внимание, но пока еще не знал, как. А он знал и подвернулся вовремя.

– Все, решено. Сейчас я к ней еду, скажу, что ты парень умный и у тебя свой велик. Она спортивная. Ее Катюхой зовут.

Уехал, пока я думал, как же буду ее звать: Катей или как он – Катюхой.

На этот раз Жанка висела на телефоне, мама с папой решали сканворды. Самая длинная рука... по горизонтали, южный ветер – вертикаль. Папа вытягивал руки, а мама старалась найти в этой мизансцене подсказку.

На этот раз его не было долго. Я даже успел уроки к понедельнику сделать и посмотреть «Зов джунглей».

Пошел к ним. Стучу. Знаю, что дома – слышу, как кто-то вошкается. Не открывают. Вышел на улицу – и правда, точно. У окна сидела сестра. Говорю: открой. Она знаками, что одна, все ушли. Вот невезуха...

Поздно уже было, когда в дверь позвонили. Он был весь потный, взлохмаченный, как будто убегал от кого-то. Я посмотрел на велик, который он прятал за спиной – а на заднем крыле вмятина четкая и царапина на руле.

– Прости. Но тут такое было... Понимаешь, только я приехал, а у нее подруга, та самая, для тебя. Она как увидела велик, воскликнула, что всегда мечтала покататься. Я же не мог отказать – думая, тебе плюсики.

Катька. Катюха.

– А это что?

– Она неумеха. Не волнуйся. Мы Толянну отдадим. Он живо сделает. Сейчас.

– Ты что? Час ночи.

– Он никогда ночью не спит. Круглосуточная лавочка. Хо-

чешь, я сам отдам, а завтра к обеду привезу? Еще лучше, чем был, станет.

Я не согласился. А утром сам пошел.

Дядя Толя был известным в округе мастером склеивать несклеиваемое и собирать несобираемое. И с удовольствием согласился мне помочь. Не без моего участия. Правда, с ранением – на щеке царапина и руки в мазуте.

– Отмоется до вторника, – сказал Толян и еще. – Я тебе могу и мотор поставить.

– Не надо мне.

– Ты вперед смотри...

Но я не хотел смотреть так далеко: я уже видел, как мама с папой меня к стулу привязывают, чтобы я не смел садиться на двухколесного. Жанка говорила, что когда мне было три, и я очень хотел в цирк посреди ночи, то меня просто привязывали к кровати. Конечно, я не помню и не верю – но порой они так на меня смотрят, что я готов поверить в эту историю.

К обеду появился Ринатыч. Он как знал, что мой велосипед прошел все процедуры и был готов к большому велопробегу.

– Она хотела и сегодня.

– Катька?

Все же Катька.

– Она.

Я не был готов. Царапина, руки... сколько я мыла извел. До вторника.

– Езжай ты, а я подожду.

Его снова не было долго. Я выше на улицу, чтобы он не звонил и не провоцировал Жанку на издевательства. К тому же хотел снять всяческие подозрения у отца. Он юрист и будет не сильно рад. Мама весь день готовила, поэтому за паром-дымом ничего не видела.

Ринаткина сестрица снова сидела на окне и облизывала ложку. У меня был в кармане коржик, оставленный после обеда.

– Хочешь?

Она радостно кивнула и открыла окно. На этом наше общение должно было закончиться, если бы она не сказала:

– Ты хороший.

Вот как. Ты не слишком мала? К тому же у меня уже есть. Катька.

– Он тоже.

Кто он? О ком она?

– Я вырасту, тоже буду работать.

Работать? Тоже?

– Не волнуйся. Он сейчас приедет. Между десятью и двенадцатью больше всего клиентов.

Клиентов? У него есть клиенты. Больше всего? Он использует мой велик? Между десятью и двенадцатью...

Я сперва не поверил. Точнее, не услышал. Мало ли что она может сказать? Маленькая, дома сидит, от скуки всякие глупости сочиняет.

А потом увидел. Точнее, когда на следующий день: Ринат снова уехал, обещая, что на этот раз договорится об общей встрече. Не знал, что будет так трудно следить за великом. Хорошо, что на пути было два светофора и две толпы (первая с детсадовцами, другая с заводскими рабочими).

Он въехал в парк. Остановился. Вытащил табличку. И я стал свидетелем того, как был сильно одурачен.

Я просто подошел и забрал у него велосипед. Он сперва не узнал, назвал цену, а потом понял, что попался. Конечно, выкрутиться пытался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.